

АДА ДЭЙТЛЕР

СВЕТЛАНА ПАМЯТЬ

18+

Ада Дэйтлер

Светлая память

«Автор»

2025

Дэйтлер А.

Светлая память / А. Дэйтлер — «Автор», 2025

Марта - наивная и упрямая молодая девушка, которая на своей работе смело влюбляется в разведенного, но несвободного от бывшей супруги парня. Он - её сладкая мечта, её цель, её первая любовь, но не взаимная, о чем девушка вскоре догадывается, но долгое время пытается найти ключ к его сердцу.

Марта не привыкла сдаваться на полпути, но в этот раз что-то явно идёт не по плану... Так может быть, ей действительно стоит сдаться и забыть свою первую любовь как страшный сон? Но вот как забыть, если уже не получается...

© Дэйтлер А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Соседка.	5
Глава 2. Добро пожаловать в прошлое!	11
Глава 3. Последующие заседания.	16
Глава 4. Ознакомление с делом.	19
Глава 5. Мировое соглашение.	21
Глава 6. Встреча с ответчиком.	26
Глава 7. Первое свидание с ответчиком.	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ада Дэйтлер

Светлая память

Глава 1. Соседка.

В детстве мне нравился Владик в зеленой вязаной кофте с салатовыми сердечками, а Владика нравились рейнджеры. Не буду скромничать, он тоже бегал за мной, но с криками: «Держите злую колдунью!». Однако после того, как я наколдовала ему фингал под левым глазом, его рейнджерский отряд вынужден был резко изменить место своей дислокации. А вскоре и отцу Владика – директору школы – предложили работу в новом районе, поэтому своего заколдованного на весь левый глаз бойфренда я больше не видела. Я забыла его быстро, даже уже и не помню, когда он успел уехать.

За Владиком шел Денис. Не то, чтобы я сразу его заметила. Наши мамы дружили и всё норовили когда-нибудь в будущем «породниться», а с учетом того, что у мамы Дениса два мальчика, а у моей мамы мой брат да я, то козой отпущения хотели сделать меня. Дениса я однажды ударила в детском саду грязной тряпкой по лицу за то, что он мешал мне рисовать мелками на доске, но уже в школе, а может, и гораздо раньше, я даже не заметила, как начала в него влюбляться. Любовь к Денису продлилась до девятого класса средней школы и прерывалась на период моей «бИремеНости» от Миши из третьего класса (правда, моя «Беременность в восемь» быстро прекратилась, когда об этом узнали родители), моим неловким детским флиртом со старшим сыном местного участкового (его почему-то забавляло произнесение мной слова «щука» с четырьмя пальцами во рту; вот дурачок, думал, что у меня не получится), ну и, конечно же, моей беготней в прямом смысле этого слова за одним городским пареньком, который приезжал к нам в деревню летом и зимой в школьный лагерь и сверкал своими белыми длинными носками, похожими на гетры, в кроссовках прямо у меня под носом в то время, как я, несмотря на свой невысокий рост, силилась играть с ним в баскетбол.

Но я быстро забывала свои мимолетные «интрижки» во имя светлой любви к Денису и верности ему, которую я смело пронесла до пятнадцати лет, а потом взяла и уронила. Вместо Дениса эту любовь, или даже любовную одержимость, неожиданно для себя как Бильбо Бэггинс кольцо всевластия поднял наш крупный молодой учитель биологии в красивом всегда идеально выглаженном деловом костюме и с короткими пухлыми пальчиками, которыми он мило перебирал по журналу с оценками, когда слушал ответы учеников.

– Вова, ну давайте, читайте уже вслух, – сказал он, и мои глаза активно вперились в строки учебника.

– Я лучше про себя... – неуверенно пробормотал Вова, будто бы ища в книге знакомые буквы и не находя.

– Про Вас там ничего не написано, – улыбнулся учитель своей милой улыбкой, и класс разразился смехом.

И хоть мои ладошки при виде преподавателя часто потели, а мысли путались в невероятных размеров клубок, я понимала, что наша связь с ним была невозможна, ведь все парни, которые находили кольцо моей любовной одержимости, один за другим отправлялись в сторону Мордора, чтобы его уничтожить, хотя биологу для этого достаточно было одного: предстать передо мной в летнем лагере в штанах в стиле милитари, широкой майке цвета хаки и черных резиновых сланцах.

Следующим обреченным носителем кольца стал плотный мальчик-футболист с голубыми глазами, который также оказывал мне знаки внимания, а потом взял да и отфутболил мое неподатливое и стеснительное кольцо.

В университетские времена кольцо в поисках своего хозяина быстро прокатилось мимо третьекурсника-теннисиста и его пресловутой теории «деревенских яиц» (если коротко: желток у деревенского яйца ярче и насыщеннее, чем у городского, хотя визуально оно может быть в помете, а это значит, что деревенские девушки лучше городских, потому что натуральнее, или потому что так считал тот парень), волейбольного тренера, который буквально сшиб меня с ног волейбольным мячом, и снова, но уже четверокурсника-теннисиста с изменившимися взглядами на деревенские и городские яйца (спустя некоторое время он все же сделал предложение одной городской стервозной яичнице).

Так, мое колечко катилось долго, пока однажды на мою беду его не поднял он...

– Марта, ты не спишь? – забарабанила в дверь моей арендной комнаты нетерпеливая соседка Надя, так что пришлось отложить бокал красного полусладкого вина, которое от моего испуга чуть не взмыло фонтанчиком вверх, быстро сворачивать вкладку с текстовым документом для моей новой книги и идти открывать дверь неожиданному гостю (я думала, что Надя ушла на свидание).

– Да, я на месте. Сейчас...

Это «явление Христа народу» меня не сильно обрадовало, поскольку я боялась Надю, и на это у меня был миллион причин, главная из которых – её стремление создать комфорт не в своих апартаментах: купить пылесос, телевизор, естественно, за счет «профсоюза», потому что хозяйка квартиры не зачла бы сумму потраченных нами средств в счет аренды, проводить генеральную уборку каждую неделю и, конечно же, создать график дежурств по уборке квартиры.

Эти темы и были главными обсуждаемыми ей со мной. С более глубоких тем для разговоров она ко мне обычно не заходила, впрочем, как и одна моя одноклассница в университете. Однажды я проболталась последней о том, что я родом из деревни, и каждый раз она напоминала мне о моем происхождении, заводя разговор на тему того, насколько вкусны парное молоко и желток куриного деревенского яйца, хоть в нашей семье не было ни кур, ни коров. Конечно, она хотела «задобрить» меня и попросить ответы на задачки по предметам, но для этого не требовалось битый час рассказывать мне о парном молоке и своем отдыхе летом у бабушки. Я прекрасно помню свой подобный опыт. Когда я приезжала к бабушке, она часто предсказывала мое ближайшее будущее, и оно было мрачным:

– Когда я состарюсь ещё больше и перестану ходить, будешь приезжать ко мне, полы мыть...

У дедушки была своя юмористическая добавка. Сначала он хотел подарить мне ко дню рождения кобылу Ксюшу, которая лягала копытами незнакомых людей. Потом его отпустила эта мысль, или все-таки действие водки, но, конечно же, на смену одним чудным думам приходили другие философские измышления. Например, дед очень любил посадить меня на свое тощее хрустящее колено и спрашивать о том, буду ли я плакать, когда он умрет.

Так что у бабушки мне было не то чтобы не весело, но не до вкусов парного молока точно.

Но возвращаемся к Наде: ждать она не очень любит.

Когда я отворила соседке дверь, в дверном проеме показалась её крупногабаритная нарядная физиономия. Надя не была худышкой, но при этом ловко подбирала бюджетную одежду, подчеркивающую её основные достоинства, и почти всегда выглядела очень стильно. В этот раз на ней было черное длинное платье с косым вырезом в районе правой ноги, на ушах красовались серебряные серьги-кресты, а её волосы были завязаны в хвост-косичку, что наряду с аккуратными тонкими стрелками на глазах нарочито добавляло её образу дерзости и остроты. Её сильная сторона в образе – лицо, а именно красивая миловидная улыбка, несмотря на огромную родинку на подбородке.

«Эх, если бы не эта родинка, – затянула однажды хозяйка нашей квартиры, – Чуть испортила девочку...»

Хозяйка у нас была тоже интересной: почти всем девчонкам-арендаторам (только платежеспособным) она прочила в мужа своего долговязого сына-медведя. Мы с ним были почти ровесниками, но наши телесные параметры сильно отличались, так что вместе взятые мы походили, скорее, на Машу и медведя, на слона и Моську, Тимона и Пумбу... Но ладно.

Меня она заприметила странным образом и для устранения девчачьего засора в ванной неожиданно для меня и моих трусов, расположившихся прямо на письменном столике в арендуемой мной комнате, привела все своё семейство, в частности и своего дражайшего сынулю. По странной случайности его прежней берлогой оказалась моя нынешняя комната.

– Мой сын хотел бы посмотреть свою прежнюю комнату, – сказала хозяйка, и мои глаза решительно округлились, ведь всю семейку Адамс я встретила в короткой пижаме с открытым торсом, антиварикозных гетрах и цветных носках поверх них (хороша невеста!), но хуже всего то, что мои трусы, вальяжно расположившись на столе, не планировали самостоятельно менять место своей дислокации подобно рейнджерскому отряду Владика.

С краской на лице я предоставила доступ в комнату. И через пару минут в ней повисло неловкое молчание, в котором можно было услышать, как главный бухгалтер ругает нерадивого юриста в офисе, расположенном на параллельной от окна улице, как хрустит коленка пенсионера на остановке общественного транспорта, и даже как ползут муравьи к той же остановке.

Вся семья молчала, даже отец семейства просто застыл в дверях в немом кадре – сваты явно были отменены. Зато они не задержались и на прощанье хозяйка выпалила: «Все, не будем тебя беспокоить, мы видим, что ты спала. До свидания, а ты спать, спать...».

Так вот в плане чистоты Надя была идеальна для сына хозяйки, более того, она просто создана для того, чтобы сотворить уют и комфорт даже там, где казалось, что сделать это просто невозможно или даже не нужно.

Однако не знаю, была Надя просватана сыну хозяйки или нет, ведь в данной ситуации родинкой преткновения могли стать её внешние особенности, но романтических отношений с сыном хозяйки никто из нас удостоен не был.

– Марта, ты предлагала вчера распить бутылочку вина... Пошли на кухню! – неожиданно для меня заявила Надя.

Мои глаза виновно округлились: в бутылке винишка было ровно ещё на один бокал, который я тоже собиралась выхлебать гораздо позднее и, желательно, в гордом одиночестве и обязательно под какой-нибудь грустный мотив, напоминавший мне о моем разбитом сердце...

– Ну... то было вчера, у меня уже не так много осталось, вернее, совсем немного, – замялась я и в то же время подумала о том, что неплохо было бы подружиться с соседкой.

– Неси. Просто посидим поговорим.

По всему видно было, что Наде в тот вечер было одиноко: она бы не постучалась в мою дверь просто так. Хорошо, хоть не с претензией относительно чистоты и уборки.

Спустя какое-то время мы неудобно разместились на кухне: я на белом старинном стуле, которые слегка обгорел после задымления в квартире, Надя с бокалом красного – на подоконнике. Несмотря на все мои представления о красивом дружеском легком общении, наше общение шло тяжело, как и генеральная уборка общих территорий: в воздухе часто зависала тишина, так что приходилось гонять одни и те же мысли по кругу как во время сдачи экзамена...

– Хорошо здесь. Как в деревне у бабушки, – затараторила Надя, сделав решительный глоток и смакуя напиток.

– Да... – представила я деревню своей бабушки, в которой, по словам мамы, ночами можно было встретить волков, а в речной воде пиявок, впивающихся в ноги... Романтика. Впрочем, в городе М. тоже полно своих пиявок... – Хороший город, компактный, погода хорошая.

– В моем городе было холодно... А люди здесь какие-то добрые и отзывчивые, в моем родном все злые и хмурые, – опять затянула Надя, и я засмотрелась на то, как же ровно и красиво она вывела стрелки на глазах.

«Ну не знаю, не знаю, в «доброте» людей этого города я захлебнулась... Вот ишу способ, как забыть эту бескрайнюю доброту...» – думала я и не знала, нужно ли добавлять в диалог реальное видение человека, прожившего в этом «утопическом» городке, или же просто остановиться на милой, но искусственно-резиновой беседе.

– Ну насчет этого... Я думаю, что нет людей добрых или злых. По сути, мы все и добрые, и злые: для кого-то добрые, для кого-то злые, в одной ситуации – добрые, в другой – злые. Иногда нам действительно нужно быть злыми в целях самозащиты, чтобы прожить конкретные эмоции, но боль другим в таком состоянии причинять однозначно нельзя... – сказала я, вперив взгляд уже в родинку на лице Нади, пока она продолжала смаковать винный букет, – А мне интересно, почему ты решилась так кардинально изменить город? Он, по сути, такой же, как и твой, но тебе к родным ездить дороже, да и дальше, целый день можно просто просадить на поездку и это только в одну сторону.

– У меня есть хорошая знакомая в этом городе. К тому же я давно мечтала сюда переехать, – отстраненно сообщила Надя и опять потянула испачканный в красную губную помаду бокал к губам.

– Да, со знакомыми гораздо проще обосноваться в чужом городе. Тем более при первом знакомстве ты показалась мне довольно веселой и энергичной, позитивной и дружелюбной, так что я думаю, что у тебя с контактами в этом городе проблем не будет, – умаслила я на будущее, чтоб в вопросах уборки получить уверенную снисходительность.

– Это только так кажется на первый взгляд. На самом деле, я обычный человек и без компании здесь мне просто одиноко.

И тут я поняла, что самый «ресурсный» в социальных сетях человек на деле может оказаться не таким, как хочет казаться. В тот вечер я не видела в Наде живой энергии, бьющей через край, особых стремлений, несмотря на то, что она проходила множество разных быти-обучений, ежедневно снимала ролики в новых пестрых и красивых нарядах, танцевала под музыку, и так же ежедневно, если не ежечасно выкладывала это в сеть. Вся ее яркая жизнь была только в сети, а передо мной сидел внезапно немногословный обычный человек.

– Я слышала от хозяйки, что ты переехала в другой город, потому что твой парень нашел другую девушку, – прямолинейно выпалила я, так как и мне самой нужны были помощь и душевное участие. Моя проблема состояла в том, что я не могла находиться ни в одном другом городе, в котором не было парня из моего прошлого (конечно, самого последнего, остальных я быстро забыла), мне было невыносимо тяжело волочить свою обыденную реальность без его присутствия в моей жизни, даже в сети. А в его городе шанс на мимолетную встречу, от которой в моменте ноги становились ватными, потели ладошки и учащалось сердцебиение, был более велик. Да, я боялась этой встречи, потому что реагировала на каждую неадекватным эмоциональным возбуждением, потому что опасалась того, что он захочет выяснить отношения, «серьезно» поговорить и ещё раз сообщить мне о том, что не любит и никогда меня не любил, что у него есть девушка и она ему дорога, но одновременно с этим я всем сердцем желала ещё раз увидеть его.

– Это она тебе такое сказала?... – засмушалась Надя и вошла в стадию отрицания, – Нет, я сама... Сама давно хотела здесь жить, это хороший город.

– Но от хозяйки я слышала другую историю, – упрямо настояла я на своем и тактично продолжила, – Просто... твоя заинтересовала меня тем, что у меня в чем-то сходная ситуация, вот только меня магнитом тянет в тот город, в котором живет объект моего обожания, и я... я ничего не могу с этим поделать. Есть, конечно, один город, в который я хочу переехать. Незна-

комый мне город-бункер, в котором я хочу начать новую историю и забыть о ранах прошлого, поэтому мне интересно, как со всем этим справляешься ты.

Я решила быть честной и прямолинейной по отношению к Наде, ведь я и сама планировала совершить трип на край света, чтобы начать свою историю заново без пятен прошлого, чтобы забыться и вновь почувствовать эту жизнь... Ощущение новости в моменте пугает, но в ретроспективе это самое необычное и яркое ощущение, которое оставляет отпечаток на всей нашей жизни и надолго врежется в память.

– Ну у меня была подобная ситуация, – сдалась под моим напором Надя, опустила опустошенный бокал на кухонный столик и, взглядываясь в ночной город за окном и темноту, продолжила, – У нас дело шло к свадьбе. А потом мой парень резко нашел другую, и у них все развивалось гораздо стремительней: уже через два месяца после нашего расставания он сделал ей предложение. Мучительнее всего было каждый день видеть его у подъезда, видеть коляску с ребенком...

– То есть вы еще и жили рядом? – удивленно поглядела я на Надю, представляя, как это тяжело, когда любимый человек выбрал не тебя, и этот выбор ежедневно маячит перед твоими глазами, еще и с общим ребенком.

– Да, он изменил мне с девушкой из соседней квартиры.

Глубоко внутри я понимала, почему Наде показалось, что в новом нынешнем городе люди добрее, ведь в предыдущем месте ее нахождения она испытала боль и разочарование. Таким вражеским и злым по части людей казался мне город парня из моего прошлого, хотя в действительности ничего особо не происходило: мне всего-навсего отказали на одиннадцати собеседованиях по вакансиям с хорошей оплатой труда и с плохой тоже, а в целом нашелся парень, который укрыл от холода в морозный сырой вечер своей курткой (но это был турок, и, будь у него с собой ковер, он смело замотал бы меня в него), директор моей прошлой фирмы предлагал мне вернуться обратно на свое рабочее место, потому что у меня уже был тринадцатый день прогула (шучу, я уволилась раньше, но предложение было лестным).

И мне почему-то кажется, что, не поменяв свои мысли в голове, не переосмыслив произошедшее и не изменив к этому свое отношение, бесполезно менять города: в прошлое можно возвращаться отовсюду – из городов П., А., М., Я., Ть и прочих, в которых есть возможность остаться не растерзанным медведем и не убитым маньяком в городском парке – хоть Надя и утверждала об обратном. Но с другой стороны все мои бывшие объекты обожания быстро канули в Лету именно по причине расстояния и того, что на смену одному рано или поздно конвейером приходил другой, а мои вкусовые предпочтения с возрастом тоже менялись. Но в этот раз всё почему-то было иначе: не помогало расстояние, меня магнитом тянуло к парню из прошлого, не помогали даже другие парни, ситуации и свидания...

– Да, я тебя понимаю, это тяжело видеть предателя и каждый раз волей-неволей вспоминать о случившемся, – грустно выпалила я, хоть сама была лишена такой «привилегии», ведь единственное, что способствовало воскрешению моих воспоминаний о парне из прошлого – мои неконтролируемые безобразные мысли и действия, – Но как было бы проще жить, если бы придумали «заморозку чувств» как на приеме у стоматолога: тебя колют, режут, а ты ничего не чувствуешь. Жаль, только, что это временно и пищу поглощать в это время нельзя. Нет, было бы лучше, если бы боль можно было бы просто продать на «Авито»...

– А ты думаешь, что кому-то нужна твоя боль? У всех своей хватает, – серьезно посмотрела на меня соседка, – Одну боль никто не покупает, да и не купит. Обычно она идет в комплекте с другими чувствами: любовь, доверие, дружба... Ведь если нам что-то безразлично, то и боли от утраты этого мы не почувствуем... Рискнула бы продать весь комплект?

– Ну весь так весь. Что в нем толку? Зато можно быть спокойнее и, возможно, счастливее

...

С Надей мы сидели на кухне до часу ночи, разговаривали обо всяком разном: о сыне хозяйки, которого, к моему глубочайшему удивлению, совершенно не представили Наде; о сексе Нади со взрослым мужчиной (эта тема особенно волновала меня в разрезе того, что парень из моего прошлого тоже выбрал себе достаточно молодую девушку, и мне хотелось узнать, чем руководствуются девушки, когда отвечают на ухаживания взрослых мужчин; так, Надя расхваливала сам процесс интимной близости и свою повышенную раскрепощенность в нем, возможность путешествий и поездок, но, тем не менее, её неравные отношения сошли на «нет» в день, когда её партнер вместо золотой цепочки подарил ей колготки в черно-желтую полоску); о моем бегстве от мужчины-гинеколога по всей поликлинике, первых страхах и, в отличие, от внедрения бабульки с зеркалом в мое личное пространство, первых удовольствиях, поскольку на собственном опыте я поняла, что мужчины бережнее и мягче проводят осмотр, ну а потом мы разошлись по комнатам.

Я сонливо опустилась на стул у письменного столика, чтобы выключить компьютер, но сил на это действие как-то совсем не находилось. Мои веки внезапно стали тяжелыми и, кажется, я провалилась в царство Морфея.

Глава 2. Добро пожаловать в прошлое!

Мои сны в ту ночь были из серии снов при температуре 39 градусов.

Мне снился опять все тот же город, все тот же вопрос, на который я постоянно ищу ответ в своем бессознательном. «Почему ты меня отверг? И что такого в ней? Чем она лучше?».

Так, чтобы получить ответ, я стремительно направляюсь к офису своего искusstеля, но меня опять уносит сильным порывом ветра. Я хватаюсь руками за мимо проезжающую красную пожарную машину, которая едет в направлении, противоположном офису парня моей мечты, и понимаю, что не смогу получить ответы на свои вопросы, не смогу вновь увидеть его и пообщаться.

Через несколько сновидений ко мне приходит моя старая подруга Марта, с которой я познакомилась в лучшие годы своей жизни – в двадцать два года будучи на распределении (годом раньше я встретила его и с тех пор тщетно пыталась зацепиться за этот город, ходила с Мартой в местные клубы и бары, наряжалась и ухаживала за собой, чтобы в один прекрасный момент увидеть его и чтобы он увидел меня красивой, не той бедной нескладехой-секретаршей, какой я предстала перед ним впервые... Но в толпе были лишь тени других парней). Марта в моем сне работает в столице менеджером по продажам в крупной компании, она показывает мне свои каждодневные офисные наряды: сначала она предстает передо мной толстенькой в облегающем красивом черном платье, а потом весьма фигурной девушкой в коротких черных шортах и колготках с вертикальным черным принтом по бокам, затем она же появляется в бежевом свитере и рыжих кожаных шортиках, а потом снова она в белых шортах и высоких кожаных светлых ботфортах. Затем нас переносит в прошлое, в город, с которого начались мои любовные бедствия. Мы сидим на кухне: я – в красном платье, как прежде на старых фотоснимках, красива, полна энергии и улыбаюсь, и Марта, которая на два года младше меня, тоже прекрасна и улыбается. Мы собираемся в клуб.

Затем мне снится текущая девушка парня моей мечты. Я сижу в баре, но одна с телефоном в руках, смотрю фотографии с мероприятий в сети и вижу маленькие силуэты – его и её. Потом его девушка оказывается на каком-то пикнике среди общих друзей пары. Она стучит в переднюю дверцу большой черной машины с тонированными стеклами, за которой сидит он.

Далее я оказываюсь дома в деревне, и мне на телефон приходит куча сообщений от него. Я просматриваю их, но нехотя игнорирую, потому что хочу вывести парня на эмоции и получить от него больше внимания. Но в ответ пустота и молчание. Я обижаюсь на него за то, что некогда ранее он игнорировал десятки моих сообщений.

Потом я объясняю папе, почему до конца своей жизни я останусь одна.

А затем во сне ко мне приходит четкое осознание того, что парню моей мечты на меня наплевать. В моем сне прокручивается информация, установленная как факт, о том, что каждый день он проводит со своей девушкой, а значит, действительно любит её: ведь, когда любишь, хочешь проводить большую часть своего времени (если не все время) вместе с объектом своего обожания. Мне снится, что они готовятся к свадьбе...

Утром я просыпаюсь в состоянии некоего сильного возбуждения, по телу пробегает не то холодок, не то дрожь. Уснути не могу.

Хочется проанализировать все, что произошло там, во сне, в моем бессознательном, но здесь всё слишком очевидно.

Безумно пересохло в горле, хочется воды. Я отряхиваюсь, пытаюсь проанализировать первое сновидение и запомнить его, как Дамблдор из вселенной Гарри Поттера, опустив свой седой волосок в омут памяти. Оно что-то значит. Оно уводит меня от него без ответов, нагло вышвыривает из города в другую сторону. И эта свадьба... Вариантов нет. Значит ли это, что пора забыть обо всем, оставить все в прошлом и больше никогда к этому не возвращаться? Но

как же это сделать? Это моя первая сильная любовь, и я больше никогда не испытаю её вновь, как бы ни старалась воссоздать ту же историю, но в другом городе.

Я подхожу к двери, чтобы выйти из своей арендной каморки, дергаю за ручку и тяну дверь на себя...

Странно... Впереди мрак и некая пустота. Там должны быть коридор, зеркало и старенький шкаф. Но всего этого нет. Вместо этого – таинственное черное бездонное пространство (внизу – тихая пропасть); отдельный мир, в котором ничего не создано для дальнейших действий – моих действий.

«Сон во сне? Почему я заперта в своей же комнате?» – сразу думаю я, оборачиваюсь и вижу перед собой тело.

Это моё тело, в белой кофте и серых шортах, с перекошенным лицом, лежащим не на косой ортопедической подушке, а на клавиатуре и повторяющим её силуэты. Мои руки безвольно опущены вниз, а рядышком на столе этот чёртов пустой бокал вина.

«Либо мой друг Сергей меня отравил своим вином, и я умерла, либо это страшный сон, наподобие тех, когда у человека шатаются и выпадают зубы, когда ему отрезают волосы, или он попадает в тупик, или за ним гонится маньяк-убийца. Есть только один выход проверить это: выглянуть в дверь»

Я снова пытаюсь дернуть ручку двери, потянув ее на себя, но за дверью из черной пустоты показывается устрашающий силуэт в белой маске, закрывающей глаза мистического существа с лукавой усмешкой, склизкими безжизненными редкими волосами и бензопилой в руке. Увидев меня, это существо спокойно начинает приводить в действие свою бензопилу.

Я в страхе закрываю дверь, смотрю напротив в сторону окна, инстинктивно оценивая, успею ли добежать до него и броситься вон. Ведь так или иначе, это какой-то фантастический мир, полусон, а значит, и у меня здесь могут появиться сверхспособности.

«Только вот с этой что делать?» – думаю на ходу я и понимаю, что она ничего не чувствует, мое сознание во мне, значит, боль буду чувствовать я.

Я быстро кидаюсь к окну, открываю его и замечаю, что за мной и вовсе никто не гонится, шум заведенной бензопилы прекращается, и за дверью становится подозрительно тихо.

Мое сердце продолжает бешено колотиться. Я смотрю вниз с окна, оценивая свою прыгательную способность, но понимаю, что нахожусь на четвертом этаже здания. И все вокруг более чем похоже на реальность.

Спустя минуту раздается лаконичный стук в дверь.

«Надя? Если это вино, она тоже должна была умереть!... Хотя действие одного бокала на её организм будет минимальным... Но если это сильный яд? К тому же, умирать последними – свойство многих Надежд».

И в какой-то момент «моя спящая взлохмаченная подружка» решает пошевелиться.

"Значит, я... она точно жива".

Опять стук.

Моя копия едва отрывает своё заспанное отекающее лицо от клавиатуры и лениво направляется к двери.

Я миготом отлезаю от окна и преграждаю ей дорогу.

«Эээ, подруга, это очень нехорошая идея...»

Но она проходит сквозь меня и открывает дверь.

Я зажмуриваю глаза, поскольку чувствую, как страх внутри меня усиливается, а от ожидания опасности появляется жуткая тревога. Затем, слегка приоткрывая левый, вижу, что на пороге комнаты стоит соседка Надя.

«Марта, доброе утро, мы тут с Олей собираем деньги на моющие средства, коврик для ванной и швабру, по 10 долларов с каждой...»

«Ну это уже точно похоже на Надю... Жива и здорова! Какая радость... 10 долларов с каждой? Что за живодерня?! – мысленно возмущаюсь я, – Уж лучше бы там был тот чудак с бензопилой. Это более безопасно, чем отдавать мной же заработанные деньги, да ещё на что? На швабру? Если бы только она сама мыла полы... Я имею ввиду соседку. И как мы эту швабру делить-то будем при выезде, или это добровольное вложение в благоустройство?»

«Да, хорошо, я отдам Оле завтра. Она говорила мне о том, что в субботу пойдет закупаться», – слышится в ответ, и дверь поспешно закрывается.

Тогда я подбегаю к двери вновь, дергаю за ручку... Но то, что я вижу там, оказывается чуть менее неприятным расходом на моющие и швабру в 10 долларов: из двери ко мне тянутся обжигающие языки красно-желтого пламени.

«Что происходит в конце концов? – думаю я, – Я что, все-таки умерла и наблюдаю за прожитой жизнью со стороны? Но должны вспоминаться лучшие моменты моей жизни...

Всплывающие предсмертные картинки, согласно информации из сети, о том, о чем жалеют люди перед смертью, должны заставить о чем-то пожалеть. Так и знала: не нужно было сдавать деньги на швабру перед смертью! Но стойте, это ведь происходит в настоящем времени, это не моё прошлое... Где мой духовный наставник? Я ничего не понимаю!» Я закрываю дверь с огнем и начинаю искать в комнате то, что свидетельствовало бы о моей смерти как в фильме «Битлджус».

«Здесь есть какая-нибудь методичка для недавно почивших или недавно усопших юристов? Вход в подземный мир? Может, отодвинуть дощечку деревянного пола под кроватью?» – озираюсь я и ничего не вижу, кроме недавно прочитанной мною книги Ф. Моччиа «Три метра над уровнем неба: трижды ты».

При этом все кажется настолько реальным, даже рыжий таракан, быстро перебирающий своими тощими лапками, правдоподобно сбегает от меня за шкаф.

«Значит, тараканы все-таки колонизировали эту местность... Надя меня убьет, повторно... А, может, он мой духовный наставник? Эй... Кто-нибудь скажет мне о том, что здесь происходит?! Что со мной? Может, у вина истек срок годности?... – подхожу к ранее опорожненной бутылке вина, стоящей под столом, нагибаюсь и пытаюсь разглядеть его этикетку, – Э нет, написано «до октября 2025»».

Тем временем другая я, будем называть ее Мартой, принимается печатать очередную главу книги. И в момент, когда её пальцы стучат по клавиатуре, энергично отбивая название главы «Первое заседание – первая встреча», я чувствую слабость в ногах, головокружение, картинка перед моими глазами смазывается, а вскоре и вовсе потухает.

***

Спустя минуту я вновь прихожу в сознание. Но я не дома. Кажется, это суд, да-да, точно суд. А это, кажется, я, другая, иду с только что подшитым делом опрашивать граждан, ожидающих, когда их запустят в зал заседаний (кабинет судьи).

«Серьезно? Я? Не может быть... У меня здесь рост метр семьдесят пять, стройные ноги, пухлые губы, большая упругая грудь, это не я...»

Фигуры граждан и вовсе обезличены, совсем не вижу черт лица, они как будто все смазаны. Передо мной только громко говорящие на каком-то непонятном языке силуэты.

– По делу, назначенному на 11:00, в кабинет № 18 есть кто-нибудь? – неуверенно уточняет, предположительно, моя копия.

– Да, мы! – взбудоражено отзывается черноволосая девушка, и тут же в зоне моего видения появляются ее миловидные черты лица, толстые черные стрелки, наращённые ресницы и волосы, большие карие глаза, длинные наращённые ногти.

«Это же она! Бывшая парня моей мечты! Она что, тоже умерла? И почему это тоже? Я, вроде как, ещё жива... Но она точно того! Такая бледная... Хотя, в принципе, я знала, что так и произойдет: по словам ответчика, она много «дрифтила» и «голливудила». Там уже давно

пора... – думаю я и внимательно смотрю на проходящее перед моими пятидесятикопеечными глазами представление, – Но почему мы опять в суде? Что происходит? И если это суд Божий, то давайте эту черноволосую бестию засудим первой!».

В какой-то момент я решаю подойти ближе к двери кабинета и рассмотреть детально силуэты граждан, которые, предположительно, будут присутствовать при нашем линчевании. Но, как только я подхожу ближе, черты лиц сидящих не делаются более узнаваемыми, их вообще трудно разглядеть на пустых лицах.

«Что все это значит?» – в растерянности стою я, пока моя улучшенная версия обращается к истце:

– А ответчик?

И эта черноволосая дамочка, имитируя крайнюю степень безразличия, тыкает пальцем в сидящего и неприметного хамелеона-мужчину. Мужчина, который раньше как будто слился со стеной, тут же меняет окраску, и его силуэт становится более заметным, однако черты лица по-прежнему отсутствуют.

В этот момент я ощущаю некую радость и почему-то узнаю в мужчине парня моей мечты. Моя улучшенная версия тоже довольна: сегодня она не облагается перед судьей, так как все стороны по делу на месте.

Затем Марта из потустороннего, совсем непонятного, но в то же время немного знакомого мне мира торжественно приоткрывает дверцу в кабинет судьи, и я в смятении шагаю за ней.

В кабинете за своим темным крашенным столиком восседает серьезная судья с мягкими и приятными чертами лица в наряде Поттеровского профессора Снейпа, она внимательно изучает материалы дела. Черты ответчика по-прежнему обезличены. Я пытаюсь взглянуть в них, но не получается, его лицо без глаз, без носа, без губ, без щек просто застыло на месте в ожидании.

Я обхожу вокруг него, чтобы идентифицировать его и понять, в конце концов, что здесь происходит, но все же нахожусь в недоумении.

– Я хотела бы заявить о том, чтобы в отсутствие моего представителя дело не рассматривалось, – произносит истица.

«Вот это богатые люди... Даже после смерти адвокатов нанимают... Надеюсь, Плотский тоже здесь, – думаю я и всё еще стою как вкопанная, – Так, Марта, погоди, истица – она, ответчик – он, кто тогда ты?».

И я смотрю на свою копию, старательно и быстро записывающую паспортные данные сторон.

«Что-то мне кажется, что сегодня я слегка не в себе... Они что, тоже не видят меня? – думаю я и пытаюсь ударить ответчика по жопе, – Боже, до чего странный сон? У него совершенно нет жопы! Или теперь его жопа тоже вне зоны моего доступа?».

Тем временем судья отклоняет просьбу истицы, поскольку «сейчас идет предварительное судебное заседание, на котором стороны определяются с доказательствами по делу».

Затем я слышу голос бывшей супруги ответчика, она отвечает на вопросы судьи, но я не могу понять их инопланетный язык судопроизводства по делу. Их диалог похож на цокот мух.

После опроса истицы судья приступает к опросу ответчика. И в этот момент я четко вижу перед собой его глаза – карие добрые с обесцвеченными бровями.

«Да, это точно он, парень моей мечты!» Я чувствую тепло внутри.

«Ох, Марта только не говори, что ты влюбляешься... Но что за черт? Почему здесь всё так размыто? Почему я нахожусь словно... словно в картинке, которую рисовал шестилетний мальчик? Она неполная. Где детали? О чем говорят эти люди?»

– Я хотел бы решить спор полюбовно, – спокойно произносит ответчик, и моя теплота внутри усиливается, появляются интерес и радость.

«Откуда эти чувства? Я ничего не понимаю из их диалога, это всего лишь отрывки...» – опять думаю я, в то время как слово «полюбовно» эхом отзывается в кабинете судьи, как в мультфильме «Шрек 2», когда Шрек начинает читать личный дневник Фионы.

Затем пара исчезает, а я застываю в некоем непонимании происходящего.

– Ты знаешь, кто это ? – отзывается судья к моей копии.

– Нет... – слышится в ответ.

– Это учредитель фирмы, которая предоставляла ветеранам машины на девятое мая, – отвечает судья на свой же вопрос, и меня резко выбрасывает из ее кабинета в свой рабочий. Моё недоумение продолжается.

– Это у Вас сейчас был процесс с той, что вчера бегала с ходатайством о переносе рассмотрения дела на другую дату, потому что не с кем оставить ребенка? – слышится рядом голос коллеги предпенсионного возраста.

«Кажется, я знаю ее. Это же Алена Георгиевна... Только почему она похожа на отъездившего Юргена Фогеля из фильма «Красавчик 2»? Возможно, это ее новые передние вставные белые зубы оставили в моей памяти такой след... Стоп-стоп... Память... это прошлое? Это... мои воспоминания?... Они так выглядят?» – начинаю пугаться я.

– Да, ее адвоката сегодня не было, поэтому она суежилась. Ну она такая... И двух слов без представителя связать не могла, – слышится в ответ от моей копии.

И я чувствую самодовольную нотку.

– Присмотрелась бы ты к ее муженьку, Гасилова... – улыбается мой кабинетный Юрген Фогель, так, что у меня появляется такое ощущение, будто бы мне в глаза посветили фонариком, – Глядишь, влюбится в тебя и женится.

Я чувствую дикое смущение и желание.

«Ага, влюбится в меня, а женится на другой... Точнее, даже не влюбится. Хотя стоп! Почему я чувствую то, что чувствует моя копия?» – думаю я, и какая-то внешняя сила резко выбрасывает меня из этого кабинета и из этого воспоминания.

Теперь мне спокойно. Я дома, в своем родном городе, сижу с мамой на кровати. Мама пишет планы уроков, а моя копия – печатает протоколы судебных заседаний.

«Истица беспокойно вела себя на фирме, поэтому ее и вынесли...» – старательно вбивает Марта текст протокола.

«Эх, двоечница, не «вынесли», а вывели. Потом твоя судья улыбнется, конечно, но все же будь грамотнее», – ловлю себя на мысли я, как вдруг ощущаю пустоту и свободу одновременно: мама выходит на кухню готовить. Тем временем моя копия включает музыку ответчика из сети на своем ноутбуке. В комнате съемной однушки с пестрыми синими обоями звучит грустный реп. На странице ответчика красуется статус про страсть, «в которой раньше сторали оба». Но текст статуса я не могу увидеть полностью.

«Её любят» – эхом отзывается у меня в сознании.

«Так, эту картину я уже где-то видела... Это моё прошлое... Меня носит по моим воспоминаниям из прошлого... Но зачем? – думаю я, – Может, я должна что-то изменить? Не встречать ответчика, к примеру? Предотвратить этот цирк... Но как ? Это ведь невозможно. В этом мире я призрак, и меня не видит никто».

Тем временем моя копия листает фото ответчика. Я чувствую усиливающуюся симпатию, грусть, зависть, сочувствие, одиночество, боль, отчаяние и страх, что в любой момент в комнату может войти мама. На экране монитора их совместное фото с отдыха, на котором истица и ответчик в одинаковых по стилю очках и «серых штанишках». Марта закрывает страницу ответчика, а я чувствую сожаление, зависть, смирение и принятие.

Затем я пытаюсь встать с кровати и открыть дверь на кухню, где находится мама, но меня мгновенно выбрасывает в новое воспоминание.

Глава 3. Последующие заседания.

Я опять оказываюсь в суде. Вечер. В коридоре у кабинета судьи собралась толпа обезличенных.

Я ощущаю радость, шок, желание и интерес. Моя копия Марта, по-прежнему, длинноногая фотомоделка, в коротком черно-сером офисном платье уточняет, кто явился в процесс и докладывает об этом судье.

Затем мы все перемещаемся в кабинет. Люди все также обезличены. Только Марта, судья и адвокат истицы изображены четко.

Судья предлагает высказать свою позицию по делу короткому платью и черным аккуратным чулкам. Чулки пребывают в замешательстве. Представитель истицы произносит: «Давайте я выскажу позицию своей доверительницы. Я будто зрю ей в голову». Адвокат хитер и смущен. Я чувствую симпатию.

Светлый батин свитера ответчика сидит на стуле, напротив Марты и на инопланетном языке шепотом обсуждает позицию по делу с силуэтом своего адвоката.

Поочередно в кабинет как на бал у сатаны в произведении М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» по приглашению Марты входят разные персонажи, среди которых мать истицы – широкобедный силуэт в черном парике. Она говорит о том, что работает директором одной из местных фирм.

Я чувствую зависть. Говорит о том, что ответчик любил её дочь и приходил к ней в больницу с букетом красных роз. Моя зависть утраивается, вместе с ней я чувствую нотки отчаяния. Говорит о том, что, когда ребенок истицы находился в больнице, ответчик приходил его проводить.

– Это совместный ребенок? – спрашивает среди всей этой суеты, похожей на свадьбу в деревне, судья.

– Это ребенок моей дочери, но ответчик относился к ней как к своей родной дочке. Она и сама недавно стала называть его «папой».

Я чувствую боль в груди, зависть, разочарование и тихое отчаяние.

«Я не хочу это чувствовать еще раз! Я не выдержу! Зачем я здесь? – злюсь я и пытаюсь открыть дверь из кабинета судьи, но, сделав это, вижу перед собой огромную черную бездну, – Что ж? Если это сон и здесь я бессмертна, то так тому и быть!»

Я делаю шаг в пропасть, ощущая огромный страх, и проваливаюсь вниз, но уже спустя пару секунд вновь, как ни в чем не бывало, вхожу в кабинет судьи.

«Что это за фокусы такие? Почему я не могу очнуться? Я в коме?»

– Дочка жаловалась мне на то, что он не платил ей зарплату, – невозмутимо продолжает свой свободный рассказ широкобедный силуэт в черном парике.

В поле моего зрения мигмом появляются красные щеки ответчика.

«Ааа, так все-таки чувство стыда тебе знакомо, красавчик мой невидимый?» – обижаюсь я и ощущаю интерес к тому, что говорят о парне моей мечты знакомые ему люди.

В какие-то моменты русскоязычный набор текста опять переходит в инопланетный лепет, среди которого слышится: «Испортил мне ребенка». Я чувствую безразличие к оценочным суждениям матери истицы.

– ...Я уступила им свою квартиру... – продолжает свой занимательный рассказ черный парик.

Я чувствую зависть и недостижимость объекта моего повышенного интереса.

«Ну, конечно, дети богатых родителей», – ловлю себя на мысли я, совершенно не понимая, как выбраться из этого кабинета.

В потоке свидетелей в зал судебного заседания заносит близкую подругу истицы, а точнее – ее силуэт в розовом платье из недорогой ткани (у меня есть такое же платьишко, которое я выкупила за копейки на рынке у армян). Платье обрамляет весьма нестройную фигуру с большим бюстиком и кольцевым, как у гусеницы, животом, а инопланетная речь свидетеля приобретает нотки глупой женской игры.

Я ощущаю собственное интеллектуальное превосходство, но дикую зависть к тому, что у истицы есть подруга.

Ответчик нервничает от ее пояснений, ему неприятна эта особа, и он не хочет состоять даже в словесной связи с ней. Поэтому он с неким раздражением задает свидетелю вопрос:

– Извините, но я Вас первый раз вижу. Видели ли Вы меня вживую когда-нибудь?

– Я слышала Ваш голос по телефону, когда разговаривала с истицей, поэтому понимала, что Вы находитесь рядом.

– Прошу прощения, – отзывается судья, – Это было в вечернее время суток?

– Да, а ещё я видела ответчика в гипермаркете «Магнит», он вместе с истицей выбирал суши. Поэтому они вели совместное хозяйство после развода.

«Так-так, может расскажешь ещё, как эта парочка кормит друг друга с ложечки?» – опять злуюсь я, понимая абсурдность запоминания данной личности и ее пояснений.

Затем она пафосно покидает зал судебных заседаний, прощаясь с истицей при помощи поцелуя в щечку.

Меня тошнит в прямом смысле слова – «Хорошо, что я призрак и никто меня не видит, можно и не притворяться».

Судья, по всей видимости, тоже глубоко ошарашена свободой действий участников процесса.

В зале заседаний внезапно появляется свидетель Усопшев. Он обезличен. По складкам кожи с расширенными порами я вижу, что он возрастной, но не могу разобрать то, о чем он говорит. Я ощущаю сонливость и отсутствие интереса.

За Усопшевым быстро следует друг ответчика – высокий бородатый руководитель фирмы, по наименованию похожей на фирму ответчика.

– Ответчик не ночевал у истицы после развода, с вещами он часто ездил на футбол, – слышится среди иноземного лепета мужской грубоватый бас.

«И кто тут прав – не понять. Одни говорят, что ответчик после расторжения брака вел с истицей совместное хозяйство, другие – что нет. Подготовились. А правда где-то посередине. Жаль, не вижу их выражений лица, чтобы определить, кто же все-таки лжет, – думаю я, но досматривать это шоу до конца желания не имею, – Вот тебе и свойство памяти. Невозможно вернуться туда и увидеть все так, как это было в реальности... Даже лица и те стерлись. Другое дело – собственное восприятие событий... Его я почему-то помню хорошо».

Затем в зале заседания появляется силуэт волосатого кудрявого подростка (похоже, он в состоянии опьянения). Судья не замечает, что подросток еле держится на ногах. Ответчика это веселит. Я опять чувствую радость и веселье, как будто мне передали его по «Wi-fi».

– Да, истица выпивала. Мы с ней часто ездили в бар «Метелка». Она взяла у своего мужа, нашего директора, машину, и мы попали в аварию в тот же вечер...

Я ощущаю разочарование. Выходит, Марта волнуется, ей не нравится, что таким безответственным девушкам попадают такие хорошие парни, как ответчик. Вместе с тем, образ ответчика продолжает быть обезличенным.

Затем в зале заседаний появляется отец ответчика, представленный безликим силуэтом сухонького старика с седыми волосами. По всей видимости, ответчик очень похож на своего отца: такой же неприметный и незапоминающийся и в таком же свитере. Так, мы все узнаем о том, что отец ответчика разведен с матерью.

А я чувствую некий испуг. Наверное, Марта переживает от того, что и в этот раз «яблоко от яблони может упасть недалеко».

– Я отдал сыну свое дело: пусть учится жить, – слышится в кабинете.

А я мигом ощущаю внезапные разочарование и зависть.

Затем свидетели исчезают, представитель истицы просит у судьи высказать позицию по делу после выступления свидетелей, и до меня среди прочего непонятного мне словоизвержения доносится следующее:

– Пока выступали свидетели, я проанализировал телефонные соты из сведений, предоставленных мобильным оператором ответчика, и хочу пояснить, что после расторжения брака ответчик неоднократно в ночное время суток находился по месту жительства истицы. Например, сентябрь ... 1, 7, 11, 14, 15, 18, 25, 28 числа, согласно представленным данным, тянет сота по месту жительства истицы. Октябрь...

И тут моя Марта окончательно падает духом. Я чувствую боль, разочарование и безнадугу.

Ответчику, очевидно, не нравятся эти слова, и он молниеносно реагирует на них:

– Я могу в следующее заседание принести сведения о своей геолокации. Я не был у нее ночью ни в сентябре, ни в октябре...

Мое настроение не улучшается, я чувствую разочарование: Марта, очевидно, верит представителю истца, да и ответчик не похож на того, кому безразлична судьба его бывшей супруги; определенно, между ними всё ещё есть какая-то нерушимая связь.

Судебное заседание подходит к концу, судья на инопланетном языке, похоже, объявляет перерыв и назначает день нового слушания по делу.

Затем я слышу слова ответчика:

«Я хотел бы ознакомиться с материалами дела».

Я чувствую оживление, радость, симпатию, ожидание встречи и желание.

«Что ты творишь, Марта? Он тебя погубит...»

«13 февраля подойдете к моему секретарю в кабинет», – в спешке бросает судья, и я опять вылетаю из кабинета, а залетаю уже прямым в четырнадцатое февраля» (ознакомление с материалами дела было смещено из-за моей нерасторопности, но тогда я полагала, что наша встреча в День влюбленных – не что иное, как судьба и очередной знак свыше).

Глава 4. Ознакомление с делом.

Мой секретарский кабинет. Марта стоит возле стола коллеги в ожидании ответчика. Минуту назад она украдкой от Алены Георгиевны заглядывала в зеркало и поправляла свои небрежно расположившиеся на плечах всё ещё немного пушистые волосы. Одета она в новое розовое платье, купленное на рынке у армян, её волосы второпях набигужены, а на ногах у нее тяжелые, как и ее трудовые будни, сапоги на каблуках.

«О нет, я не хочу проживать всё это опять. Я устала. Устала колесить по воспоминаниям! Кажется, мне уже дурно, откройте кто-нибудь окно!».

Я быстро подхожу к окну, открываю его и вижу пропасть, на дне которой глубокий океан.

«Ну, океан, так океан... – гляжу я вниз и решаю прыгать, но внезапно меняю решение, – О нет, только не акулы... Что это такое?».

Я как дух, которому, очевидно, запрещено покидать место дислокации. Но и сделать я не могу абсолютно ничего: я невидимка в этом мире воспоминаний, я могу только слепо созерцать и чувствовать. Сейчас я чувствую волнение, ожидание и страх, у меня потеют ладони и мне кажется, что меня опять тошнит. Я пытаюсь открыть дверь своего кабинета и, когда делаю это, из тьмы прямо на меня в мое рабочее чистилище ныряет ответчик, он целенаправленно проходит мимо.

– Добрый день, да, Вы по делу... Отлично... Оно готово, вот, – Марта вручает ему недавно подшитое дело для ознакомления, тот усаживается на стул возле стола её коллеги и начинает изучение предоставленных материалов. Я волнуюсь. В это время Марта пытается создать вид бурной трудовой деятельности, спрятавшись за компьютером, но её подзывает к себе кабинетный Юрген Фогель из фильма «Красавчик 2» и просит помочь со вводом информации об административных делах в базу данных.

Марта неохотно выходит из-за стола, пытаясь впечатлить ответчика.

Я ощущаю страх, неловкость: похоже, Марте нравится прятаться от ответчика за монитором рабочего компьютера. А я чувствую себя так, как будто меня только что раздели.

Вскоре в кабинет заходит коллега помоложе, черты лица которой выражены чётко и почти не искажены свойствами памяти: темные не очень густые прямые волосы, средней толщины и объема губы, продолговатое лицо с четкими математическими пропорциями, карие глаза. Она шепчет Марте на ухо: «У него дорогой телефон и хороший парфюм».

Я ощущаю дикое смущение. Но всё ещё не могу увидеть ни телефон, ни лицо ответчика, ни даже его одежду. Очевидно, моя копия слишком много уворачивалась от парня, потому как совершенно ничего о нём не запомнила, кроме его физического присутствия в кабинете. Когда между ответчиком и Мартой встала коллега помоложе, мне стало гораздо легче и спокойнее: похоже, Марта волнуется.

«Неужели ты думаешь, что он прибарахлился ради встречи с тобой? Какая глупая девочка, – думаю я о Марте, чувствуя то же, что и она: восхищение, надежду и теплоту, – Меня сейчас стошнит. Ты ведь даже не помнишь, как он выглядит. Откуда такие чувства? Так нельзя! Спускайся с небес на землю – мигом!».

Марта любопытно и неловко выглядывает из-за плеча коллеги и замечает, что ответчик изучает не протокол, который она старательно готовила дома, а лист дела, в котором содержится фотография из паспорта его бывшей супруги.

Я ощущаю разочарование, ревность.

«Серьезно? Марта, ты это серьезно? Ты ведь и так видела, что он её любит, остановись ради всего святого! И я должна это все проживать повторно? В чем смысл? В моих страданиях?»

Затем ответчик уходит, Марта открывает лист дела с паспортными данными истицы, смотрит на её симпатичное фото и тяжело вздыхает.

«Да, я помню, как в то время выглядело фото в моем паспорте. Я делала его в десятом классе средней школы. Причем, чтобы сэкономить на фотографии, обрабатывала фото самостоятельно. Помню эти отсутствующие как будто обгоревшие во время пожара брови, белую печь позади, которая была фоном, и мои сухие рыжевыкрашенные локоны. По внешним данным я явно уступала этой девушке...»

Затем Марта разочарованно закрывает дело, а меня опять выбрасывает из этого воспоминания в кабинет судьи.

Глава 5. Мировое соглашение.

В кабинете по-прежнему стоит черный крашенный стол, за которым восседает всё та же судья. Со стороны кажется, будто она и вовсе не покидала своего рабочего места.

В заседании также присутствуют чёрные крашенные длинные волосы истицы, её коричневые острые ногти, очки и узкие глаза её адвоката, неприметные силуэты ответчика и его представителя.

– Я хочу разделить совместно нажитое имущество поровну, – говорит обиженная истица, – Квартиру и машины...

Наверное, в тот момент ответчик побледнел, жаль, что я не вижу его лица.

– Я могу передать истице в собственность квартиру в центре города за 50 000 долларов, это все, – встревоженно бросает ответчик, не желая терять ни одной из своих четырехколесных крошек.

«Это всё? – думаю я, – Многие молодые пары тут делят стиральные машины и решают вопросы о том, с кем останутся дети. А тут всего лишь квартира в центре города».

В этот момент я не чувствую ничего – ни радости, ни грусти. Наверное, только опасение того, что разрешение дела близится к своему нелогически мировому завершению.

Судя по дальнейшим действиям силуэтов, я понимаю, что предложение ответчика более чем устраивает истицу, но её адвокат требует перевести право собственности на квартиру на доверительницу до заключения мирового соглашения по делу.

Судья объявляет перерыв в заседании для того, чтобы стороны успели съездить в агентство по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним и переоформить право собственности на квартиру на истицу.

Меня выбрасывает в коридор суда и там, на лестнице, ведущей на третий этаж, в довольно интимной обстановке я вижу эту парочку – истца и ответчика – которая без какой-либо внутренней взаимной неприязни обсуждала условия мирового соглашения.

Чувствую боль. Кажется, настроение Марты становится всё мрачнее.

«Да, я помню, они стояли прямо на лестнице как Онегин и Татьяна в цветущем саду и мило беседовали. За время всех процессов они общались только через своих адвокатов, но на той чёртовой лестнице в день последнего судебного заседания они стояли вместе. Картинка была похожа не только на процессуальное примирение, но и на реальное...».

Я пытаюсь подойти к Марте, которая, казалось, на секунды две замерла на месте, но меня быстро уносит вперед по хронологии воспоминаний.

Теперь я в троллейбусе, сижу на заднем сидении, рядом со мной сидит в своем клетчатом пальто Марта. Она задумчиво смотрит в окно на проезжающие мимо машины. Я чувствую ее грусть и боль. Кажется, при каждой мысли глаза её наполняются слезами.

«Это было последнее заседание со сторонами. Последнее, в котором она видела его, и она это знала. Мировое соглашение – отличное завершение рассмотрения дела для любого судьи, поскольку риск его обжалования минимален: равен почти нулю. Но в данном случае Марта не может разделить той же радости своей судьбы: при мировом соглашении не будет заявлений на составление мотивировочной части решения, ознакомлений с материалами дела, апелляционных жалоб, соответственно, об иных встречах с ответчиком можно забыть... Но нет, Марта, не печалься так сильно, вы ещё встретитесь и, как ни странно, это будет совершенно случайно...

Хотя я помню, что ты особо и не надеялась на счастливый исход: слишком много барьеров было между вами уже тогда, включая твою неопытность и наивность, разность ваших социальных статусов. Тебе просто было весело участвовать в рассмотрении этого спора, но отчего

возникло такое веселье, ты не понимала. Да и сейчас я не понимаю. Тогда казалось, что мы все – участники заседания – стали в каком-то роде близкими друг для друга».

И пока я об этом думаю, троллейбус внезапно останавливается, дверцы его открываются, и в них входит моя новая копия из прошлого в серой атласной майке, светлых джинсах, кроссовках и с маленькой серой сумочкой с бежевыми вставками по бокам.

Я в спешке оглядываюсь вокруг себя в поисках Марты в клетчатом пальто и совершенно никого не вижу. Выглядываю в окно, а там уже вместо запотевшего от горячего дыхания окна виднеется начало лета... Жёлто-розовый закат. А чуть дальше от меня, но всё также у окна стоит Марта в ожидании какого-то приключения.

Я чувствую страх быть отвергнутой, но интерес и надежду на то, что сегодня произойдет что-то необычное.

Спустя минут двадцать пять троллейбус останавливается, и Марта, поглядывая на свои телефонные часы, спешит слиться с толпой у выхода. Я следую за ней, но моя внутренняя тревога нарастает: кажется, моя копия волнуется перед первым свиданием.

Она в спешке и волнении проходит по центральной улице города Ленинке по направлению к кинотеатру. Когда она подходит к ступенькам кинотеатра, мой страх усиливается, а меня охватывает паника.

Марта глядит по сторонам и как будто никого не видит.

«Ты его видишь. Он стоит прямо перед тобой. Такой полненький мальчик. Но он на тебя не реагирует. Ну же, не тормози!» – думаю я и пытаюсь со стороны подтолкнуть её к пареньку, застывшему в ожидании левее от нее.

Кажется, Марта видит его.

«Ну же! Постарайся и ты изменишь нашу судьбу!» – надеюсь я, но тщетно: Марта направляется в кинотеатр. Я не могу разглядеть силуэт парня, он безлик, как и большинство людей, окружающих Марту.

Я чувствую сомнение. Марта думает, идти ли ей в кино одной.

«Не зря думаешь! Это ведь для тебя так непривычно! Всего пару лет назад на сборах до олимпиады ты хотела посмотреть фильм в этом кинотеатре, но у тебя не было на это денег. Твоя соседка стояла возле тебя и готова была идти на любой фильм, пока ты показательно разрывалась между фильмами, на которые пойти все равно не смогла бы».

Марта покупает билет и в предвкушении хорошего вечера идёт смотреть фильм одна.

Я чувствую нотку самодовольства. Да, она впервые сделала то, что хотела, сама, теперь у неё есть необходимый финансовый ресурс и, похоже, она совершенно не грустит о том, что «бросила» парня. Но уже сомневается в своих внешних данных.

«С чего бы это вдруг? У тебя здесь большие пухлые губы, длинные ноги, большая грудь... Вот это видение прошлого! Когда (вернее, если) мне стукнет семьдесят, я буду всем своим котам показывать фотографии Шерон Стоун в молодости и утверждать о том, что это я: все равно доказательств обратного конкретно у них не будет».

Затем я оборачиваюсь на вход в кинотеатр, чтобы ещё раз посмотреть на движения парня за дверью, но не вижу его. Вижу толпу людей, выходящую из кинотеатра, а за ними шагает Марта.

«Что? Неужели просмотр фильма закончился? – думаю я и вижу, как за стеклянной дверью кинотеатра заметно повечерело, – Ну и ну, так ты вообще ничего не запомнила из этого фильма? Сходила, называется...»

Я следую за ней, чтобы увидеть мир её глазами. Но при выходе из кинотеатра настроение Марты резко меняется. Она идет по Ленинке и смотрит по сторонам, а я ощущаю грусть. В то же время мир уличных безликих как будто сходит с ума. Вся улица представляет собой огромный коттедж богатой американской семьи, в котором сейчас проводится огромнейшая молодежная тусовка.

Безликие кричат, смеются, пьют кофе и курят кальяны. В воздухе снуют сладкие ароматы арбуза, дыни и клубники одновременно. А мимо жизнерадостных безликих бредет она, одинокий тополь Марта.

«Да, жизнь в центре города и на периферии очень отличается. Но даже это воспоминание, скорее, гиперболизировано, поскольку, сколько я ни хожу по Ленинке в вечернее время суток, американской вечеринки у бассейна я там не наблюдаю. В основном, там тусуются беззаботные подростки и уличные музыканты. Так что предлагаю расслабиться».

Марта садится в нужный ей троллейбус и отправляется в восточную часть города, а я ощущаю нежелание возвращаться домой и в то же время дику сонливость.

Моя копия засыпает. Наконец-то я чувствую релакс мозга, но ненадолго.

Спустя какое-то время мы с Мартой высаживаемся в восточной части города. Я чувствую холод, слышу музыку из её грустного плейлиста. Вокруг крошечная тьма, безликие из троллейбуса тоже расходятся по своим домам. Марта идёт быстрым шагом по слабо освещенной асфальтированной дорожке.

«О нет, сейчас она встретит его... Может, есть хоть какая-то вероятность обойти этого человека? Но я вижу то, что видит она, точнее, даже меньше того – то, что она помнит. Нет, этот «друг» следил за ней, так что, если даже она пойдет иным путем, он достанет её и там...»

«Марта!» – слышится вдруг в темноте. Но моя копия не реагирует. А я чувствую безразличие к зову и сомнение.

«Марта!» – более настойчиво повторяется из темноты. Марта смотрит вправо и видит парня в клетчатой рубашке.

«Поразительно! Теперь я вижу все его подлые черты лица: светлые глаза, носогубные морщинки! И даже чувствую к Усопшеву симпатию и доверие!»

Сам он одет в джинсовые шорты и рубашку в фиолетовую клеточку. Он улыбается, он приветлив и дружелюбен! Он подлец!

Я чувствую радость и надежду: «Вдруг этот парень похож на ответчика: одеты ведь они в похожем стиле, судя по фотоснимкам ответчика в сети...»

– Привет! Поехали на чай? – предлагает сияющий от радости проходимец.

«Все равно в моей жизни ничего не происходит», – эхом раздаётся у меня в голове, и не успеваю я оправиться, как Марта уже усаживает свою пятую точку на переднее сидение в его машине.

Теперь Марта и Усопшев разговаривают на инопланетном.

– Я увидел тебя возле кинотеатра и следовал за твоим троллейбусом, – говорит жулик.

Я чувствую, как симпатия внутри меня утраивается и пробуждается интерес: это судьба!

«Это не судьба, Марта! В 28 лет ты назовешь это горьким жизненным опытом, и ты заплатишь за свои наивность и доверчивость. А этот проходимец, лучше бы прошел мимо тебя к своей супруге!».

По пути я вижу, как мой преследователь набирает сообщение своему другу – ответчику: «Знаешь, кого я встретил? Марту, секретаря суда!»

Я чувствую надежду на близость с ответчиком. Он обсуждает меня со своим другом. Значит, в суде я не была невидимкой и заинтересовала его.

Затем моей Марте транслируется видео с бывшей супругой ответчика на заднем сидении. Похоже, её разводят на какие-то интимные действия незнакомые парни. Один из них обнимает её и поднимает её платье вверх. Я вижу черные сексуальные чулки и чувствую зависть. Очевидно, Марта опять сравнивает себя с этой девушкой и осознаёт, что проигрывает ей даже по гардеробу нижнего белья.

– Что скажешь по этому видео? – кидает мой возрастной преследователь из прошлого, пристально наблюдая за реакциями Марты.

«У неё красивые чулки и ты ей, очевидно, завидуешь! Вот что ты скажешь по этому видео», – мысленно отчеканиваю я.

– Я ничего не решаю. Судья вынесла решение на основании предоставленных доказательств, – слышу я неуверенную речь Марты, противоречащую её внутренним мыслям.

Затем они выходят из машины и направляются в кафе (моё первое кафе). Он идёт по газону.

Я чувствую нерешительность и через пару секунд Марта идёт следом за своим первопроходимцем.

В кафе я чувствую страх и неуверенность: Марта боится говорить, боится, что её голос пугает преследователя и неуверенно улыбается. Ей покупают горячий зеленый чай в закрытом стаканчике, но она не понимает, как его пить.

Спустя какое-то время свидетель и Марта сидят вместе в машине, впереди ночь и темнота.

– У тебя сел телефон? У меня в машине есть кабель, можешь подзарядить, – говорит Усопшев и попутно вытягивает из бардачка автомобиля USB-кабель.

Марта отказывается. А я чувствую неловкость и страх.

«Да, телефон у меня был убитый, я не хотела его показывать людям, которым желала понравиться. Возможно, не хотела, чтобы они видели мои файлы или мой плейлист, или хоть что-либо обо мне, потому что моя жизнь была скучной: «работа-дом», ну иногда клуб с подвыпившей соседкой-медсестрой поликлиники».

– Мой отец был начальником милиции. Я тоже хотел быть милиционером, – опять прерывает свидетель неловкую тишину.

«Ага... А стелешь неплохо», – думаю я, но при этом чувствую радость и интерес к его словам: Марта, похоже, не разделяет моих чувств.

– А было какое-нибудь интересное дело в практике? – слышу я от девочки с непомерно большими наивными глазенками.

– Да, был вызов и визит к маргиналам, это были наркоманы. Когда мы приехали их задерживать, они трахались при ребенке.

Я чувствую испуг. Очевидно, Марта впервые вливается во «взрослые разговоры», где присутствуют слова «трахались», видео эротического содержания и прочее. Ей нравится такая свобода. Впервые в жизни она делает, что хочет, сидит, с кем хочет, и совершенно не боится. Это как, когда впервые на балконе дряхлой съемной квартирки она пробовала с соседками покурить сигарету. Ей не понравилось, но сам факт того, что она делает что-то запретное, что-то нарушающее ее прежние границы и установки, и никто её теперь не накажет, не остановит и не осудит, потому что не узнает, вызывал в ней чувство радости, возбуждения и свободы.

Затем мы едем обратно к моему подъезду. Ветер развеивает волосы Марты, и в это время я слышу:

– Мои родители развелись недавно...

Затем я чувствую неловкость от сказанного, Марта жалеет о том, что заговорила о личном с первым встречным, слишком быстро доверилась и поплыла.

– Ну ты уже взрослая девочка, поэтому какой смысл переживать? – слышится в ответ.

Я чувствую обиду на собеседника. Моя копия видит его безразличие к собственной жизни и поверхностность общения.

– Да, верно, взрослая... – выдавливает из себя Марта и смотрит в окно.

В машине на несколько минут застывает неловкая тишина.

– А я однажды выпил столько водки, что отключился, – прерывает молчание Усопшев.

Я чувствую разочарование и отвращение. Марта не любит «алкогольные» истории, особенно в исполнении мужчин, ей кажется это крайне безответственным.

«Да, Мартуля, именно безответственный человек и едет с тобой сейчас. И знаешь ещё что? Ты этого не слышишь там, но я скажу, что фраза: «скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты» – рабочая. Я бы на твоём месте подумала о том, стоит ли тебе связываться с этим мужчиной, если он обладает такими качествами, которые ты на дух не переносишь в мужчинах».

Затем Марта закрывает форточку в машине, а я оказываюсь в своём подъезде. Впереди меня шагает моя копия со стаканчиком, в котором были остатки зелёного давно остывшего чая с мятой, мелиссой и лимоном. Она крепко держит его в своей руке, а я чувствую симпатию, светлые позитивные эмоции и желание сохранить свой первый «трофей».

«Э, малышка, вот что случается, когда врываешься во взрослую жизнь так поздно!»

Через пару минут очищенный стаканчик с белой звездой стоит на шкафчике в арендной каморке, а Марта, поглядывая на него, умиротворенно улыбается, гасит свет и укладывается спать.

Глава 6. Встреча с ответчиком.

Тем временем я оказываюсь в современном и комфортном офисе за городом М. Я сижу за праздничным юбилейным столом возле Марты, напротив нас – ответчик, точнее, его силуэт с добрыми карими глазами и обесцвеченными бровями. Его темно-синяя рубашка, очевидно, ему маловата, либо он хорошо покушал перед моим приходом. Он улыбается, он дружелюбен.

«Да-да, наша первая встреча после суда. Сюда меня пригласил свидетель Усопшев, и именно сюда я ехала, зная о том, что встречу ответчика, так как предварительно слышала его голос, когда разговаривала по телефону с нетрезвым проходимцем, говорившим мне «Солнышко, приезжай». До этого момента я сильно волновалась перед встречей с ответчиком, не знала, что надеть, собрала консилиум соседок, которые вырядили меня в красные бархатные туфли на высоких каблуках, короткую светло-рыжую юбку и белый кружевной топ. По пути к пункту назначения в лучах заходящего солнца я видела, как некачественно побрила ноги, и как выжившие волосы на них были вздыблены то ли от холода, то ли от страха, на ногах в тот момент была словно гусиная кожа, а в воздухе в пределах такси повисло неловкое молчание».

Сейчас же я определенно чувствую безопасность, интерес и желание. Усопшев, сидящий левее от меня, кажется мне безликим.

– Давай я за тобой поухаживаю, – говорит ответчик Марте, а я чувствую волнение, дрожь, желание и интерес, – Что будешь пить?

– Зеленый чай, – мямлит в стеснении Марта.

Ответчик выходит в другое помещение кипятить воду в чайнике, а я ощущаю пустоту и потерю интереса к происходящему.

– Ммм, хороший парфюм, – доносятся до меня слова лысоватого друга ответчика Романа, – Будешь раков? Я сам их ловил...

Марта опять стесняется, я чувствую это. Это был недорогой парфюм, который по тем меркам считался самым дорогим на рынке. Мамин ухажер подарил его маме, а мама отдала мне.

Ответчик возвращается за стол. Я чувствую некое замешательство и хочу уединиться с ним.

Перед Мартой стоит чашка горячего чаю.

– Водки? – спрашивает вдруг Роман, – Или коньяку? У нас только «пять звезд». Не волнуйся, у нас всё самое лучшее...

Я чувствую смущение. Марта соглашается пить водку.

«Ах, какая же ты глупая, нельзя пить на голодный желудок, а тем более девушке, и тем более водку! Я понимаю, что ты чувствуешь огромный ком стеснения и смущения, тебе, очевидно, хочется раскрепоститься, быть веселой, дерзкой, озорной, но всему своё время... С возрастом ты тоже это поймешь».

– Как Вы с ней познакомились? – бросает лысоватенький Роман в сторону ответчика имея ввиду Марту.

Я чувствую стеснение: Марта не хочет рассказывать друзьям ответчика эту историю, поскольку это его «личное», она не знает, в каких отношениях находятся ответчик и присутствующие в офисном кабинете мужчины.

Ответчик улыбается и отвечает:

– В суде.

– Да, она была такой серьёзной, – ловко подхватывает хорошенько проспиртованный Усопшев, затем глядит на Марту, расплываясь в широкой улыбке.

Марте нравится его лезть, я чувствую это.

– Не была она серьёзной, – возражает ответчик, и я чувствую обиду.

«Возможно, твоя судья часто возмущалась перед сторонами по поводу твоей работы... Это как в тот день, когда ты забыла отключить диктофон в заседании и ушла печатать бланк повестки, а позже, прослушивая запись, обнаружила, что твоя судья назвала тебя «странной и специфической» в обсуждениях с посторонним человеком. Было обидно...»

Спустя какое-то время Марта и ответчик чокаются рюмками водки, и ответчик произносит свою коронную фразу:

«Ну, за то, чтобы больше никогда не жениться!».

Я чувствую разочарование: Марта не хочет пить за этот тост, она надеется на продолжение встреч, ей симпатизирует ответчик, она чувствует к нему доверие, тепло и уважение, ведь она знает (или думает, что знает) о нём больше, чем любая другая девушка из его окружения, ну, кроме уролога, конечно...

Однако Марта пропускает первую рюмку залпом. Я чувствую неуверенность в себе, желание вступить в диалог, но невозможность сделать это: я как будто внутри большой белой и пустой вазы пытаюсь пробиться наружу, но мне почему-то не достаёт сил это сделать.

– А я вообще не понимаю мужчин, которые изменяют своим женам! – едва выдавливая Марта, ещё не зная о том, что возле неё уже сидит такой мужчина – Усопшев, пригласивший её в мужскую компанию, – Почему нельзя быть верным своему выбору?

Однако ответ на этот вопрос я не могу расслышать. Три безликих силуэта пытаются размышлять на эту тему, лицо Романа также смазывается.

Затем один дядька, бывший сотрудник управления департамента финансовых расследований, говорит:

– Не доверяй Усопшеву, он тот ещё проходимец! А вот ответчику можно доверять...

Марта одобрительно глядит на ответчика, а я ощущаю желание, уважение, доверие, интерес и страх.

«Он не сделает к тебе явного первого шага, креветочка моя! Он просто застыл в молчании со своими добрыми карими глазами. Да и в будущем возникнет вопрос о том, можно ли ему вообще доверять и можно ли слушать людей, которые были в той пьяной компании».

– Почему это я проходимец? – внезапно откапывает себя из сырой синесмурфиковской земли Усопшев и включается в диалог, – А ответчик в армии не служил!

Марта смотрит на ответчика неодобрительным взглядом.

– А кто твою машину поведёт? – слышится среди всего этого спора голос Романа, обращённый к Усопшеву, едва сидевшему за столом в состоянии глубокого «аватароведения».

– Жена моя подъедет, я ей уже позвонил...

Я чувствую шок, разочарование, предательство, испуг и некое облегчение: теперь Марте не придется ехать обратно с пьяным Усопшевым домой, не придется уделять ему излишнее внимание, чтобы казаться вежливой.

«Да-да, он тебя обманул. Но разве это можно считать обманом, дорогая моя? Ты ведь об этом и не спрашивала его! Так теперь скажи мне, куда ты покупала свое новое фирменное бельё (первые черные кружевные стринги), зачем надевала короткую юбку и высокий каблук в компанию взрослых мужчин?».

Марта молчит.

– А кто её домой повезёт? – спрашивает один из безликих, указывая на Марту.

Я чувствую испуг и неопределенность.

– Я, – вызывается ответчик.

Я ощущаю безопасность, доверие, радость и надежду: Марта думает, что останется с ответчиком тет-а-тет в машине, и уж там они непременно познакомятся ближе.

Она ждёт ответчика на улице во тьме, садится на переднее сидение в предвкушении, но в это время позади открывается дверца и на заднее сидение усаживается лысоватенький Роман.

Я ощущаю скованность: белая пустая ваза Марты опять не дает ей продохнуть и вклиниться в беседу Романа с ответчиком. В машине гремит незнакомая музыка, Роман и ответчик подпевают ей в такт.

А я ощущаю страх: Марта боится петь, они не знают, что у неё проблемы с голосом, что её крик едва слышат граждане, пришедшие в процесс, более того, она стесняется своего изъяна, что ещё хуже сказывается на ней; она грустно молчит в машине и едет дальше, исподлобья поглядывая на автомобильную магнитоу.

Затем мы оказываемся возле подъезда квартиры, в которой я жила, и меня выбрасывает вместе с Мартой в ночную глушь.

Я ощущаю грусть, пустоту и волнение: Марта видит, что ответчик не взял у нее контактов, значит, продолжения знакомства не будет.

Затем меня выбрасывает на кровать арендной каморки, там лежит Марта, кажется, она вот-вот заплачет, как вдруг ей на телефон приходит уведомление о добавлении в друзья. Она смотрит в экран и видит его – своего ответчика.

Я ощущаю удивление, шок и радость.

«Даже не знаю, что сказать, все было так глупо от начала и до конца. Как вы могли сойтись и потратить столько времени – твоего времени?».

Затем меня выбрасывает в настоящее. Я вижу себя, сидящую за столиком возле полураскрытого ноутбука и ощущаю легкую ностальгическую волну.

«Выходит, это мои самые светлые воспоминания, которые я и хотела сохранить в своей памяти путем написания книги... Но я не знала одного – эти воспоминания не отражают объективной картинки происходящего, это мой неопытный мир «в розовых очках», мир, в котором я ожидала романтики и того, что ответчик сам будет меня добиваться: он же старше. Но законы рынка отношений были другими: девушке также следовало проявлять интерес к парню, а не бежать и не прятаться в надежде... Сложно конкурировать с его бывшей супругой, которая ворвалась в эту индустрию с ноги в свои пятнадцать лет и набралась огромного опыта на отношенческом поприще. Хотя, с другой стороны, если так произошло, что мы встретились в период, когда я была испуганной ланью, значит, всё-таки не судьба... Так нужно было». .

Глава 7. Первое свидание с ответчиком.

Следующее воспоминание появляется также внезапно и выбрасывает меня опять на разваливающуюся деревянную кровать. Марта сидит на постели и ведёт переписку с ответчиком.

Я ощущаю волнение, напряжение и ожидание. Сердце бешено колотится, пока мозг занят тем, что же такого написать своему новому адресату, чтобы он не забыл обо мне и не прекратил со мной общение.

«Напиши ему о том, что он подлец! И вообще спустя пару дней он будет катать в своей машине совершенно другую девочку, которая более аккуратная, более прилежная, более смелая и которая умеет петь в машине... Ну или хотя бы открывать рот. Предлагаю выключить свет и приготовиться к началу следующего рабочего дня, ведь на работе снисходительности ты не дождёшься: твои проблемы – не их проблемы...»

Спустя пару минут Марта ищет в компьютере своё стихотворение о наркотиках и отправляет ответчику, в ответ на это ей на электронную почту приходит сообщение с наименованием: «чушь»)). К этому сообщению прикреплены три музыкальные композиции ответчика. Марта включает первую.

«О, что это? Даже огромных размеров паук быстро начал перебирать своими тонкими ножками в направлении кровати, а точнее под неё. Очевидно, что это одна из самых худших реп-композиций, услышанных тобой и пауком. И вообще женщины любят ушами, так что, пожалуйста, – получи и разлюби!»

Следующая композиция содержала строки: «Я любил любить свою девочку!»

«О, что за ужасная тавтология! И этот «гений» русского репа будет говорить тебе о том, что ты «дурочка», «неумная» и как его... "ненормальная"? Как я жалею, что ты пока не можешь защищать свои личные границы, как я жалею, что ты подвержена чужому влиянию...»

Я чувствую некое смятение: видимо, Марте и самой не нравятся прослушиваемые композиции.

«Да это ещё мягко сказано, таким преступников нужно пытаться на допросах!»

Затем ответчик сообщает о том, что не читает книг (прочел только одну о футбольных достижениях) и любит фильмы про автокатастрофы, основанные на реальных событиях.

«А у Вас с ним много общего, Марта! Жаль только в реп-начинаниях, но ты, молодец, прекратила свою деятельность по оглушению людей, а он не сдаётся! Все, заканчивай этот балаган, пора спать!»

Экран мобильного выключается, и свет в комнате гаснет, но не успеваю я моргнуть, как дневной свет уже пробивает в моё окно. Я оборачиваюсь и вижу Марту, полусобранную, посреди комнаты. Я чувствую волнение. В руках у неё телефон, в телефоне сообщение: «Поедешь сегодня со мной на футбольный матч: да или нет?»

Она в некоем смятении и полузабытии отвечает: «да» – и быстро ищет свою косметичку для того, чтобы немного подкраситься. Волосы всё также остаются небрежными и пушистыми: ответчик застал её врасплох тем, что написал так поздно. Марта нервно начинает носиться по всей комнате, подбирая наряд на футбол, и не придумывает ничего лучше красных бархатных туфель на огромных каблуках, белой блузы с голыми плечами и голубых джинсов. Через блузу просматривается её фиолетовый недавно купленный бюстгальтер.

Спустя некоторое время она нервно спускается по лестничной клетке к машинке, которая ожидает её у подъезда.

Я чувствую, как Марта нервничает, она боится не понравиться ответчику и в то же время боится его потерять. Она открывает переднюю дверцу его автомобиля, садится в него и ощущает страх. Я тоже чувствую его: она думает, что внешне не понравилась ответчику, возможно,

она словила какую-то соответствующую вибрацию от него. При этом ответчик обезличен, я вижу лишь сальную длинную челку, бежевый батин свитер, джинсы и карие глаза.

Марта и ответчик разговаривают о чем-то. Я ощущаю, как Марта волнуется и тщательно подбирает слова: ей симпатичен ответчик, но она его боится.

– И далеко этот спорт-центр, в котором будут играть в футбол, находится? – едва выдавливает Марта, пытаясь звучать красиво.

– Почти возле твоего суда, – говорит ответчик, но Марта не знает этой части города, ей известен лишь путь от троллейбусной остановки до работы и обратно.

«Это да, ты не хотела выглядеть глупой, но при этом выглядела максимально странно».

– А я в футболе ничего не смыслю, – продолжает Марта притягивать слова в диалог, – У нас в университете было только спортивное право, и я помню про допинг и трансферы игроков. Часто ли футбольные клубы покупают игроков?

«О, Марта, только не говори, что тебе это интересно. Да и ответчик эгоист. Решил совместить приятное с полезным: и на футбол сгонять, и девочку «проверить». Что ж, экономия времени и комфорт – всё в его стиле. Но не переживай так, его текущая пассия тоже фотографируется на футбольных манежах. Теперь она делает вид, что заинтересована в деле, так что предлагаю остыть».

И тут ответчик стал что-то долго и нудно рассказывать, а у меня в голове тем временем закрывалось телевизионное окно и жёстко пищало в ушах.

«Да, я ничего не запомнила о футболе, только о том, что ответчик покупал долю в каком-то клубе. В общем, я пас! Разбирайся, Март, с этим сама».

Затем мы идем ко входу в спорткомплекс, навстречу нам идет знакомый мне милиционер, он здоровается.

Марта отвечает тем же, а я чувствую стыд и стеснение. Видимо, Марта не хочет, чтобы коллеги по работе судачили за её спиной и уличали её в связи с бывшей стороной по делу.

Марта с ответчиком становится в очередь. Кажется, она переживает: не знает, кто будет платить за это представление. Она понимает, что и сама может это сделать, но как вести себя на своём первом в истории свидании (если это можно назвать свиданием) не знает.

Спустя пару секунд к паре подбегает обезличенный парень и предлагает один бесплатный билет на футбол. Марта застывает в нерешительности. Я чувствую эти неуверенность и сомнения: она не хочет обременять ответчика тратами и сама не хочет нести финансовые потери на мероприятие, в котором вообще ничего не понимает. Рука Марты хочет потянуться за бесплатным билетом, но ответчик отказывается от него.

Я чувствую грусть: Марта понимает, что если бы согласилась принять лишний билетик, то не сидела бы вместе с ответчиком и это мероприятие утратило бы для неё всякий смысл.

Затем ответчик и Марта подходят к кассе покупать билеты, и я слышу слова ответчика:

– А давайте 13-ое место и 12-ое. Тринадцать – мое любимое число...

«Ах ты ж, иуда!» – думаю я, пытаясь разозлиться, но чувствую волнение и стеснение Марты.

– Попкорн? Или, может, мороженое? – предлагает ответчик, указывая на небольшой киоск по пути на стадион.

– Н... нет, – опять нудит Марта, которая, очевидно, не понимает, что она взрослая и теперь может делать то, что хочет и что это свидание, мать его!

«А он, жулик, умеет обхаживать девочек! Но ты, Марта, и впрямь дурочка, почему ты не можешь расслабиться и получать удовольствие? Если не ты, то он предложит потом это всё другой девочке и да, небольшой спойлер: тебе будет обидно».

И пока Марта разбирается с новым для себя взрослым миром и свободой в нём – наконец-то её вытащили из подземелья на свет Божий – я ощущаю максимальные тревогу и напряжение.

Марта не знает, что сказать, куда смотреть, ей кажется, что она нелепо выглядит в этом месте.

– Футбольный манеж похож на Колизей, – ляпает Марта как корова на асфальт.

– Да, хлеба и зрелищ! – проходится с совком, метлой и мусорным ведром за Мартой ответчик.

« Да уж... Теперь я понимаю, что он имел ввиду, когда сказал о том, что я не подхожу ему по эмоционалу. Господи, почему я встретила его в момент своей самой мощной неуклюжести? В момент адаптации ко взрослой и самостоятельной жизни, в этот переломный в жизни период, когда приходилось привыкать к тому, что восемь часов из моей жизни каждый рабочий день будет просто улетать в бездну? Может быть, поэтому воспоминания, связанные с теми временами, и имеют для меня такой яркий окрас, поскольку и восприятие всех событий, происходящих со мной в тот момент, было более эмоциональным и глубоким?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.